

РУДОЛЬФ ПАНФЁРОВ

ТОРЖЕСТВО ЛЖЕПРОРОКА

К юбилею А. И. Солженицына

Много обиженных у всякой власти, у советской их было не меньше, чем у любой другой. В основу её лозунгов и целей легли слова человеколюбивого христианского обличия: свобода, равенство, братство. Но внешние и внутренние помехи породили сокрушительное зло – несправедливость, а сохранение себя – опекание воли и действий, даже патронаж помыслов человека-винтика. И потом этот сильнодействующий яд запрета, который там, где нужны проявления разумного риска, инициативы и вообще раскрепощения. А раз это было, то можно было и воспользоваться этим. Гнётся, да не ломается эластичная структура; жёсткая, рано или поздно, рушится.

Этими губительными свойствами хорошо задуманного устройства, но плохой власти воспользовались лжепророки, которые столкнули травоядное общество в стадо вечно алчущих хищников. Зачем они это сделали?

Для удовольствия разрушения. Они трудные дети XX века.

БРОСИВШИЙ КАМЕНЬ

После признания соискателя нобелевским лауреатом по литературе определяется так называемая формула присуждения. Например, М. Шолохову премия присуждена “за художественную силу и полноту, с которой он в своём эпическом произведении о Доне отобразил историческую фазу в жизни русского народа”. Эта самая формула присуждения в отношении творчества А. Солженицына звучит несколько по-иному: “За нравственную силу, с которой он продолжил традиции, присущие русской литературе”.

Что такое “нравственная сила”, какое её место в современном миропорядке? Попытаемся разобраться в нравственном напоре, который явил Солженицын.

Особняком в нравственных его достижениях стоит активно поддержанная им беспрецедентная кампания шельмования Шолохова. Объявилась некая дама Томашевская, которая издала книгу “Стремя “Тихого Дона”, в которой с непонятной ненавистью пыталась доказать, что автор знаменитого романа совсем другой человек. Аргумент тот самый, печально знаменитый: *этого не может быть, потому что не может быть никогда*. Оно понятно, околелитературная особа решила воспользоваться злободневностью, а вернее – той злобой, которая процветала в один из периодов холодной войны по дискредитации всего русского.

Но зачем же Солженицыну-то ввязываться в это безнадёжное дело, освещать его многозначительным предисловием?

Ему было хорошо известно, что 26 апреля 1975 года в Кванс-колледже в Нью-Йорке на конференции Американской ассоциации преподавателей славянских языков и литературы состоялась основательная дискуссия на тему: “Кто автор “Тихого Дона””? В дискуссии участвовали около 60 преподавателей русского языка и литературы в американских колледжах, а также несколько профессоров – специалистов в вопросах текстологии и стиля художественных произведений.

Выступает профессор Герман Ермолаев из Принстонского университета и заявляет о бесспорном авторстве Шолохова. Делает это не голословно, а приведя убедительные доказательства, используя изошрённый анализ характерных эпитетов и метафор, других художественных особенностей и приёмов автора. Ведь у каждого писателя есть свой собственный почерк – не только внешний, но и внутренний. Ермолаев привёл языковые ляпсусы и ошибки Шолохова, которые были в первых изданиях “Тихого Дона” (потом их устранили по указанию редакторов). Вот эти ошибки и ляпсусы, характерно повторяющиеся, были свойственны Шолохову, у которого не было достаточного образования, но был талант, искра Божия.

Точно так же и профессор Стюарт из Пенсильванского университета на основе своей методики исследования текста пришёл к аналогичному выводу. В качестве оппонента выступал профессор русской литературы Колумбийского университета Роберт Магвайр, но он лишь присоединился к мнению своих коллег: “Тихий Дон” написал не Крюков с помощью Солженицына и Томашевской, а сам Шолохов.

Откуда пошёл импульс злостной клеветы ещё при жизни автора, который относился к ней даже с интересом: всё же любопытно, до чего договорятся искусники?

В 1969 году в США среди кандидатов на докторскую степень в области русской литературы ходило заманчивое предложение. За стипендию в пять тысяч долларов надо было доказать, что Шолохов – не автор великого романа. Так сказать, требовалось громоподобное разоблачение ещё одного коммунистического мифа.

Кто-то из ловкачей (раз надо – сделаем) накатал диссертацию-фальшивку под псевдонимом анонимного “советского литературоведа Д”. Диссертацию из-за курьёзности её происхождения и боязни разоблачения держали всё же втайне. Но нашлись добροхоты. Материал перелопатила та самая Томашевская, а для пущей важности расписаться под этим дали Солженицыну. Он тут же состряпал многозначительное предисловие и дополнение, покрыв ложь авторитетом нобелевского лауреата. Вот такую явил миру “нравственную силу”. Очевидно, надеялся, что клевета как-нибудь прилепится к Шолохову. Не прилепилась. Осталась несмыываемая ложь на пророке без чести.

В это же время Солженицын готовился принять из рук президента США Форда лавровый венок почётного гражданина. Однако акция провалилась. Форд не только отказал в почётном гражданстве, но даже не захотел принять столь одиозного диссидента из Советского Союза.

В чём природа клеветы? Злонамеренную выдумку поддержали академик Лихачёв, писатель Искандер. НТВ и курковский телеканал в С.-Петербурге организовали серийное судилище Шолохова. Нападки объясняются ненавистью к нему за его смелость, независимость от властей. Он поддержал Ахматову и Платонову в их трудные дни. Кампания клеветы позорно провалилась.

Между тем события вокруг Шолохова и его романа продолжались. Группа скандинавских учёных-славистов берётся поверить гармонию алгеброй, то есть современными методами лингвистики, применив компьютеры. И вот бездушные машины ответили, что автор “Тихого Дона” не кто иной как Шолохов. А компьютеры врать не могут: они не обладают нравственной волей, зато их анализ безошибочен.

Почему то и дело реанимировалась грязная кампания? Дело в том, что в 1958 году поднялась дикая свистопляска вокруг пастернаковского “Доктора Живаго”. Как известно, Шолохов неодобрительно отнёсся к использованию литературного произведения в политических целях Запада. Вся эта возня с автором знаменитого романа свидетельствует о недалёкости её организаторов. Шолохов – великий писатель, но ближе к семидесяти годам впал в “щукарство”, особенно выступая на партсъездах. В этом, пожалуй, весь грех Шолохова. Писателю не следует заигрывать с властью. Её надо ставить на место.

Позднее Солженицын написал статью “Жить не по лжи”. И призывал каяться в своих грехах. В своём участии в постыдной кампании он покаяться весьма своеобразно.

В 1998 году накануне своего восьмидесятилетия Солженицын побывал в Калуге, и ему, конечно же, задали вопрос: зачем он так поступил? Ответ последовал с обезоруживающей наивностью младенца: Томашевская попросила, и я не мог отказать ей в предисловии.

* * *

В “Красном колесе” завязал Солженицын три “узла”, проложил путь к четвёртому, но об одном памятном так и не сказал ничего. Кто развязал кровавую бойню, учинил Великую чистку? Кто были в подавляющем своём большинстве романтические “комиссары в пыльных шлемах”? Он предпочитает всеобъемлющую безликую формулу: “Красный террор”. Из каких палестин нагрязнула орда в кожанках и кепках, соединившись с пятой колонной внутри России? Об этом пророчески умалчивается в “Архипелаге ГУЛаг”. Кто же руководил истреблением тех “60 миллионов”, о которых пишет в своём глобальном статистически-компилятивном исследовании Солженицын? Начальники ГУЛага Яков и Матвей Берманы. Начальники лагерей и поселений на территории Карелии – Коган, Северного края – Финкельштейн, Свердловской области – Погребинский, Соловецкого лагеря – Глеб Бокий и Серпуховский, Верхнеуральского политизолятора особого назначения – Мезрин. А начальники НКВД на местах: Московской области – Реденс, Ленинградской области – Заковский, Западной области – Блат, Оренбургской области – Райский, Свердловской области – Шкляр, Средней Азии – Круковский, Дальневосточного края – Дерibas, Сибири – Гоголь и Троцкий. Так русскому ли народу свойственен “архипелаг ГУЛаг”?

В действии старый принцип – творить зло и обвинять в этом зле тех, против кого оно было направлено. Империя зла, о которой так часто говорил президент Рейган, была создана политкомиссарами и начальниками “архипелага”, о чём исследователь и словом не обмолвился.

Солженицын утверждает, что он религиозный человек. В “Круге первом”, говоря о судьбе Сталина, которая могла бы сложиться по-иному, если бы... он вдруг выворачивает: “Но Бог его обманул...” Экий прокол допустил осторожный и осмотрительный зэк. Это же целая философия непонятного для нас свойства. Бог – пахан, Бог – сосед по нарам, сокамерник, картёжный шулер. Да разве верующий человек способен вообразить такое?!

* * *

“Нравственная сила” особо проявилась в его литературно-политической деятельности. Феноменальное многословие и жажда борьбы так и сквозят в его мемуарах “Бодался телёнок с дубом”. Вкрадчиво и подробно вспоминает Солженицын редакционные перипетии подготовки и напечатания “Одного дня Ивана Денисовича”. Приводятся нюансы, которых сам он не мог знать. Значит, пытался, протоколировал рассказанное другими, чем и побивал оппонентов.

Солженицын вёл подробные стенограммы обсуждений, заседаний. Это десятки страниц, исписанных убористым почерком. Протоколировал для истории, метил для потомков: “Запись велась в ходе заседания А. С.”. Одно из них, посвящённое разбору его жалоб (22. IX. 67), длилось с 13 до 18 часов с минутами. И всё это время он вёл протокол на глазах изумлённых коллег.

Именно тогда Корнейчук сказал: “Мы вас пригласили не для того, чтобы бросать в вас камни”. По-восточному осмотрительный Яшин изрёк: “Автор не измучен несправедливостью, а отравлен ненавистью”. Солженицын парировал: “Только то меня утешает, что ни от какой клеветы я инфаркта не получу никогда, потому что закалили меня в сталинских лагерях”.

Он вёл переписку с КГБ, ЦК КПСС, Союзом писателей, издателями, заграницей. Всё надо было упомянуть, разверстать по полочкам, а в случае необходимости – оперативно предьявить. И тогда открывалась бездна потаённой жизни. Солженицын – гениальный “пост скриптум” советской эпохи.

В подробнейших воспоминаниях о своей великой борьбе о многом упомянул Александр Исаевич. Но вот один фактик почему-то забыл. Первая жена его — Н. Решетовская, — однако, рассказала, как в их маленькой квартирке в Рязани пребывал целую неделю А. Твардовский. По какой причине гостевал-прохлаждался занятой человек, главный редактор популярнейшего оппозиционного журнала “Новый мир”?

Оказывается, в отведённой ему комнатухе он доводил до ума рукопись “Одного дня. . .”, которая тогда называлась “Человек Щ-854”. После интенсивной работы Твардовский явил автору мастерски отредактированную рукопись с новым названием. Самолюбие Солженицына сильно пострадало: и называется рукопись по-другому, и строй её сильно изменился. Сюжет выпрямился, исчезла рыхлость, утяжеляющие подробности. Заиграла, зазвучала повесть.

Попробовал было возразить уязвлённый автор, да смекнул, что Твардовский на соавторство не претендует, а текст приобрёл только достоинства, чего ж отказываться от такого добра? Крепко отредактированная Твардовским повесть стала вскоре знаменитой.

Когда страсти улеглись и отстоялись, Солженицына выдвинули на Ленинскую премию. Но вскоре он стал “подарком” Западу от наших идеологических бракоделов. Солженицына умело “раскручивала” западная контрпропаганда. Стала крепнуть доморощенная диссидентура — внутренние враги коммунистической идеологии. Появилась самиздатовская литература, которая обслуживала групповые интересы, далёкие от нужд большинства людей. Новых мыслей не было, зато обид и амбиций — в избытке. Узкий слой заявил о себе с небывалым политическим апломбом.

Разрушительной катастрофой аукнулось вскоре казарменное запрещение всего, что касалось критики существующих порядков. Диссидентство — с одной стороны, и комчанство — с другой. Этого было достаточно, чтобы процесс, дестабилизирующий общество, пошёл.

Происхождение диссидентства — новая страница, а точнее, рычаг опрокидывания действительного инакомыслия. Для нашей исторической традиции свойственно нечто другое: свободолюбие и свободомыслие, открыто заявленные Радищевым, Державиным, Пушкиным, Чаадаевым, Некрасовым, Добролюбовым, Белинским, Толстым. . . Разве повернётся язык назвать их диссидентами?

Не впадая в пространные рассуждения, рискну определить наше диссидентство как несогласие троцкистов со всё большей русификацией космополитического марксизма, которое стало явно обозначаться после окончания Второй мировой войны. Не зря же известные антикоммунисты (Максимов, Зиновьев) с большим запозданием сокрушённо признали, что метили в коммунизм, а попали в Россию. Совсем не случайно на смену известной доктрине о перманентной мировой революции пришла и стала реализовываться идея мирового правительства.

Большой знаток русофобии академик Игорь Шафаревич в своё время заявил в интервью корреспонденту журнала “Российская Федерация сегодня” буквально следующее: “Полтора ста лет назад Маркс и Энгельс увидели бродивший по Европе призрак коммунизма. Так вот, сегодня видится призрак мирового правительства. Есть люди, которые уверяют, что оно уже существует, но конспиративно”.

Недавно мы стали свидетелями действий мирового правительства при “миротворческом” вторжении НАТО в Югославию на виду всего мира, как бы в назидание сомневающимся.

О мировом правительстве (сверхправительстве) говорится ещё в протоколах известных мудрецов, в основу которых легли учения древних пророков, дополненные так называемыми планами долговременных действий в конце прошлого века: “Надо уметь брать чужую собственность без колебаний, если ею мы добъёмся покорности и власти. Мы создадим усиленную централизацию управления, чтобы все общественные силы забрать в руки. Наше царство ознаменуется таким величественным деспотизмом, что он будет в состоянии во всякое время и во всяком месте прихлопнуть противодействующих и недовольных. На место современных правителей мы поставим страшилище, которое будет называться Сверхправительственной Администрацией, руки его будут протянуты во все стороны при такой колоссальной организации, что она

не может не покорить все народы. Мы восторжествуем и закрепостим все правительства своему сверхправительству”.

После развала Союза конспирацию упразднили, маски сбросили. Мировое правительство в лице великолепной “семёрки”, валютных фондов и банков действует легально по отработанным “свычаям и обычаям” ростовщиков и менял. Свои технологии они обкатывают ныне на всём постсоветском пространстве.

В ноябре 1969 года на собрании рязанских писателей Солженицыну были сказаны определяющие слова: “Иногда надо поставить судьбу Родины выше своей собственной судьбы”. С пророком никогда такого не случалось.

Ахад Хам (Ашер Гинцберг) – возможный составитель тех самых протоколов – в статье “Моисей” так определяет сущность пророка: “В уме и сердце он сосредоточивает весь свой идеал, который представляется ему целью его жизни, им заранее намечается. Он имеет абсолютное убеждение, что всё должно быть так, как он это понимает и хочет: это убеждение даёт ему вполне достаточное основание требовать, чтобы всё действительно так и было. Он не принимает в соображение никаких доводов, никаких компромиссов. Пророк хочет увидеть осуществление своей мечты, какие бы последствия ни произошли от этого”.

* * *

В конце августа 1968 году произошла первая встреча Солженицына и академика Сахарова. Это было тотчас после мирного вхождения в Чехословакию объединённых войск Варшавского Договора. Наблюдая за академиком, Солженицын замечает: “Ему было больно наносить ущерб своей стране! Я этого не оценил тогда”... Вернее было бы сказать “не понял”, “не принимал”. Мстительное чувство, по его собственному признанию, всегда брало верх. Он называл это “пружиной лагерного прошлого”.

Загадок в его судьбе много. Вот одна из них. С молодости Александр Исаевич отличался целеустремлённостью. Учась на физико-математическом факультете Ростовского-на-Дону университета, определил своё истинное призвание – решил стать писателем. Но до этого пытался сдать экзамены в Московскую театральную студию.

В октябре 1941 года Солженицына призывают в армию. До февраля 1943 года (какая роскошь!) учился в артиллерийском училище и после его окончания в чине лейтенанта был отправлен на фронт. Отнюдь не на передовую. В отдалении от фронта (резервная артиллерия) ухитряется заниматься литературной работой. На фронте его неоднократно посещает жена.

В феврале 1945 года капитана Солженицына, дважды награждённого, неожиданно арестовывают и из Восточной Пруссии под конвоем доставляют на Лубянку. Приговор – восемь лет лагерей.

Репрессия, наговор недоброжелателей, клевета или жестокая ошибка? Оказывается, Солженицын в течение года вёл полемическую переписку с неким Виткевичем, в которой они бранили Сталина, осуждали государственный строй, построенный не по заветам Ленина. Удивительно, откуда такой наив у осторожного и осмотрительного человека, который всё планирует наперёд? Ему хорошо было известно, что военно-полевая почта сплошь подцензурна. Из писем вымарывалась даже обычная солдатская грусть по родному дому, семье, детишкам. А тут многосерийная политическая дискуссия о международном Коминтерне, проблемах истинного ленинизма. Ещё в полевой сумке артиллерийского командира обнаружили некую “Резолюцию № 1” – всё по тем же вопросам. Разве это был не спланированный вызов судьбе? Может быть, таким же был “дальнобойный” математический расчёт: сохраниться на исходе войны в сталинской шарашке, а заодно занять неординарную биографию? Или необычная глупость? Третьего, как говорится, не дано.

И действительно, попал Солженицын в ту самую шарашку под Москвой. По сути – в привилегированную тюремную бригаду учёных. Заполняя анкету для мандатной комиссии, которая производила сортировку, кого на нары, а кого в научный коллектив с улучшенным пайком, с ограниченной, но свободой передвижений, новоиспечённый зэк написал в графе “специальность” – физик. А они-то как раз и были нужны, как и хорошие математики. И всё же

не сгодился, не того уровня оказалась квалификация. Отчислили за профнепригодность и отправили в Экибастуз, где он стал “Щ-282”.

Через много лет, уже в демократической России, Солженицын побывал в Марфине, в бывшей шарашке, встретился с учёными. Первый вопрос, который ему задали: “В чём состоит российская национальная идея?” И он ответил: “В спасении народа”. Даже во времена ГУЛагов, войны такая проблема не возникла. Народ имел силы и возможности “спасаться” самостоятельно.

От кого же надо спасать народ? От лжепророков или бандократии?

Сейчас Россия не может сосредоточиться. Обещания процветания – всего лишь обещания. Окончательный распад может осуществиться по регионам, которые самостоятельно попали в долговую кабалу. И которых будут банкротить по простым правилам менеджмента.

“Помогите нам прожить несколько лишних лет! Зачем мы ещё живы?” – эти вопли услышал Солженицын в обустроенной по-новому России. И пророк утешил: спасайтесь кто как может!

* * *

Я не собираюсь разоблачать Солженицына, удивляться его стоической самоуверенности, страсти к учительству или его паническим бесстрашием. Время уже расставляет всё по своим местам.

Как гром среди ясного неба, обрушилась на тогда ещё советских читателей в конце сентября 1990 года брошюра под названием “Как нам обустроить Россию?” Заметьте, не СССР, а Россию. Этот манифест громадным тиражом распространили самые популярные центральные газеты, вовсе не российские, а общесоюзные.

В этой брошюре идеи великодержавного национализма и шовинизма, государственного эгоизма воплощены в концепции отказничества, а по сути – предательства. Да и о самой России говорится с цинизмом и двусмысленностью “долговременных планов”.

Вот они, эти провокационные “посильные соображения”: “А что же именно есть Россия? И где видят границы России сами русские? Нет у нас сил на окраины. Нет у нас сил на империю – и не надо, и свались она с наших плеч! Ещё больше распрямимся от давящего груза “среднеазиатского подбрюшья!” И уже нельзя в наших планах на будущее заноситься: как бы восстановить государственную мощь и внешнее величие прежней России. Надо перестать попугайски повторять: “Мы гордимся, что мы русские”.

Думаю, лучшего подарка и не ждали в мировом правительстве. Надо ли ещё цитировать?

Весьма уныло слушали депутаты Госдумы говорящего дробной скороговоркой обустройщика России. Его наивным архаичным схемам былой земщины, так и не устоявшейся, внимали с той долей терпения, которая всего лишь обозначает парламентскую вежливость.

Так как же всё-таки Россия “распрямилась”? Прошло всего восемь лет, и вот, пожалуйста, новая брошюра “Россия в обвале”. Обустройство состоялось, как и намечалось по плану, высокими темпами. Теперь Солженицын не впадает в грех посильного рассужденчества, лупит прямой наводкой: “Ясно же видно, что Западу нужна Россия технологически отсталая. Мы рабски подчиняемся программе Международного валютного фонда. Намерения цивилизованного Запада относительно нас всё менее скрываются, а неистовыми политическими врагами России, как Киссинджер или Бжезинский, уже не раз высказывались с полной откровенностью (“лишняя страна” на карте мира). Через десяток лет мы спустимся на уровень африканских стран”. Как говорится, и на том спасибо. От посильного велеречия с сакраментальным: “А что же именно есть Россия?” до “Быть ли нам русскими?” дистанция оказалась короче прицельного выстрела. Да ещё и пнул пророк выпестованную в демократии теперь уже седьмую часть земли: “Это новая Россия” и помогла свершиться тому историческому переходу в мировом сознании, когда военное вмешательство держав в дела далёкой страны стало называться не “агрессией”, а “миротворческими усилиями”. Об антирусской сущности правительства США всегда и во всём мире было известно давно.

В 1959 году американский конгресс принял закон о так называемых порабощённых нациях (PL 86-90). Этот закон определяет порабощателем не мировой коммунизм, а Россию и русских. Закон направляет американский авианосец, говоря образно, к берегам “лишней страны”. И по сей день США отмечают “неделю наций, порабощённых русскими”.

В пору ярого своего диссидентства Солженицын на всю катушку использовал финансируемую ЦРУ радиостанцию “Свобода”. На этой радиоволне он представлял истинным патриотом России, народным заступником. Пришло время, когда проделанная работа подвела Россию к гибельной черте, обвалу. И Солженицын обличает “Свободу” именно за разрушение России. Пророк дивится, что антикоммунизм и русофобия сомкнулись. Поругание Родины – стержневая ипостась пророческого изъяна. С годами этот характер явил доверчивость к “правде” из-за бугра и хитроумную лояльность к новому хозяину, и показное неприятие высшей награды за особые заслуги.

В каких только лабиринтах не блуждал пророк, имитируя поиски истины. За это США обустроивала его семейство в штате Вермонт, где многодетный папаша растил своих еврейских сыновей. 27 марта 1974 года вторая жена Солженицына перед отъездом за границу вслед за высланным мужем передала в самиздат своё обращение к соотечественникам, в котором пообещала вернуться и детей своих вырастить русскими.

Первое сбилось. После августовской революции 91-го Солженицын сам разработал библейский сюжет триумфального возвращения. Вот едет он на ослике по городам и весям и дарует припавшим к его одеждам правду. Но сам-то её только увидел: жестокую, подлую, алчную тиранию капитала. И услышал, например, такое: “Новая Россия не поставила себя как родину”. Хотел явиться пророком, собрать посеянное, а встречали, как Хлестакова. Пришли с жалобами, просьбами вразумить правителей.

Поселившись в выстроенном для него коттедже, пророк пытался устыдить, вразумить власть имущих. С ним поступили, как в настоящем свободном обществе: отлучили от телеэкрана, освободили от миссии заступника.

В эпоху великой смуты Солженицын, Сахаров, Боннэр взывали к мировой общественности, просили для себя защиты. Никто из них не вспомнил о защите нации от геноцида.

В ветхозаветной книге пророка Иеремии есть слова, определяющие особенное свойство, присущее некоторым избранным: “Они умны на зло, но добра делать не умеют”.

Советским людям адресовал Солженицын своё обращение в феврале 1974 года и назвал он его, как и надлежит пророку: “Жить не по лжи!” Теперь советский народ упразднили, и слова вернулись к тому, кто их сказал: “Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков – только бы не расстроить своего утлого существования. Теперь-то знаем мы, что гнусность методов расположится в гнусности результатов”.

Юрий Бондарев, отвечая хулителям всего русского, заметил: “Тихий Дон” Шолохова можно положить в день Страшного суда перед Богом в оправдание словесности XX века. И кажется мне, что пора бы на колени и покаяться с жаркими, горькими слезами, моля о прощении страшной вины своей, день и ночь помня о сатанинском разрушении России и измене”.

г. Калуга, 2000 год